

РОМАН ГРАНИН

ПОЭТИКА ЭМИЛЯ ЧЁРАНА

(В трех томах)

Том III
Декомпозиция

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2026

УДК 821.135.1
ББК 84Рум5+87.3
Г77

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена каким-либо
способом без согласования с издателями.*

Научные рецензенты:

*Марков Александр Викторович, доктор филологических наук,
профессор Российского государственного гуманитарного университета;*

*Кужанова Ажар Жалелевна, доктор философских наук,
профессор Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации;*

*Иваненков Сергей Петрович, доктор философских наук,
профессор Санкт-Петербургского государственного института
психологии и социальной работы.*

Гранин, Р.

Г77 Поэтика Эмиля Чёрана. Том III. Декомпозиция. — М.: Тотенбург, 2026. — 170 с.

Третий том фундаментального исследования «Поэтика Эмиля Чёрана» посвящен углубленному анализу позднего, «второго французского» периода творчества румынско-французского мыслителя и писателя Эмиля Чёрана (1911–1995), охватывающего 1960–1980-е годы. Этот этап ознаменован радикальным экспериментом со стилем, который сам Чёран определил как его сознательную декомпозицию (разложение). Монография последовательно исследует, как через разрушение собственной письменной манеры, ее доведение до предельной фрагментарности и насыщения самоиронией Чёран создает уникальную философско-литературную форму, адекватную его экзистенциальной позиции «частного мыслителя» в мире абсурда. В Приложении даны некоторые переводы ранних и поздних текстов Чёрана с румынского и французского, иллюстрирующие эволюцию его мысли и стиля: от юношеских статей о боли, политических текстов 1930-х годов (включая спорные статьи о Гитлере и румынском легионерском движении) до поздних дневниковых записей и писем, раскрывающих интимные механизмы его письма.

**УДК 821.135.1
ББК 84Рум5+87.3**

© Р. С. Гранин, 2026

© Издательство «Тотенбург», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. УЛЫБКА И СМЕХ ЧЁРАНА	10
1.1 Автор-самоубийца и триада его декомпозированного письма: афоризм, парадокс, абсурд	10
1.2 Фигура «ироника» и архетип трикстера как литературный аватар	12
1.3 Литературный смех	14
1.4 «Смех» Чёрана как особый этический стиль между иронией и цинизмом	20
1.5 Чёран «О юморе» [до 1956]: двойственность юмора	22
1.6 Юмор и отстраненность.....	25
1.7 Юмор перед лицом трагического.....	30
1.8 Улыбка Чёрана.....	33
1.9 Экзистенциальное значение улыбки.....	36
ГЛАВА II. ИРОНИЯ И САМОИРОНИЯ У ЧЁРАНА.....	39
2.1 Жестокость ироника.....	39
2.2 Истощение ироника.....	41
2.3 Между юмором и иронией	43
2.4 Ирония и беспокойство.....	45
2.5 Ирония как разрыв шаблона.....	47
2.6 Фрагментарность ироника и моралиста	53
2.7 Дистанцированность частного мыслителя через иронию	57
2.8 Этика иронии	58
ГЛАВА III. ОТ САМОИРОНИИ К ЦИНИЗМУ	63
3.1 От самоиронии к цинизму	63
3.2 Сафард: скука, тоска, меланхолия	65
3.3 Трагизм циника.....	67

3.4 Ирония как «нормализация» трагического	70
3.5 Ирония — искусство поверхностности	72
3.6 Ирония как искусство трагикомического	74
3.7 Опасности иронии: улыбка руин, приближение к хаосу	76
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ	80

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕВОДЫ С РУМЫНСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО

---

1. Эмиль Чёран «Откровения боли» (статья 1933 года) ..	82
2. Эмиль Чёран «Впечатления от Мюнхена. Гитлер в немецком сознании» (статья 1934 года)	97
3. Эмиль Чёран. «Нае Ионеску и драма ясности» (статья 1937 года)	101
4. Эмиль Чёран «Внутренний профиль капитана» (некролог 1940 года)	106
5. Письмо Эмиля Чёрана брату Аурелию (1947)	111
6. Эмиль Чёран «Моя Страна» (1950-е)	112
7. Эмиль Чёран. Эпистолярная мания (1984)	118
8. Чёран Э. Неопубликованное из дневников 1958 года	122
9. Эмиль Чёран. Дневники Дъеппа, [1979]–1987	126
10. Чёран Э. О юморе	138
11. Чёран Э. Между словом и молчанием	141
12. Чёран Э. О стиле	143
13. Чёран Э. Мы заперты в языке	144
14. Чёран Э. Стиль	145
БИБЛИОГРАФИЯ	146

ВВЕДЕНИЕ

«Мне нравится, когда стиль обладает ясностью определенных ядов»¹.

*«Моя борьба с французским языком — одна из самых тяжелых,
какие только можно себе представить.
Победа и поражение чередуются, но я не сдаюсь»².*

Переход Эмиля Чёрана (1911–1995) на французский язык в конце 1940-х годов был фундаментальной сменой лингвистической парадигмы, представляя собой также радикальную экзистенциальную метаморфозу, акт сознательного саморазрушения и перерождения. Этот переход символизировал разрыв с «рубашкой Несса» румынского прошлого, с его политическими ошибками, и попытку обрести в «смирительной рубашке» французского классического языка новую, отстраненную идентичность. Французский язык стал для Чёрана инструментом аскезы, позволяющим преодолеть лирическую экспрессивность раннего творчества и выковать универсальный, холодный и ироничный голос «частного мыслителя». Главной формой письма при этом у Чёрана становится фрагментарность, которая выступает и как стилистическая особенность, и как форма мышления, отражающая принципиальную несистемность опыта, утрату целостных метафизических оснований и кризис субъективности. Стиль в этом контексте утрачивает эстетическую автономию и приобретает онтологический статус, выступая формой существования мысли в условиях абсурда. Обращение Чёрана к классической французской ясности носит амбивалентный характер: с одной стороны, она выполняет

---

¹ Чёран Э. Черный дневник (1957–1972). Том II (1965–1967). Пер. с фр. Р.С. Гранин. М.: Тотенбург, 2025. С. 195.

² Там же. С. 362.

функцию дистанцирования от аффективной избыточности, с другой — воспринимается как форма онтологической сухости и символической лжи. Подозрение к стилю не устраняет письмо, а усиливает его трагическое измерение. Таким образом, стиль Чёрана формируется как парадоксальная структура, в которой язык выступает одновременно средством самообнажения авторского «я» и формой самоуничтожения субъекта. Его письмо фиксирует не завершённые смыслы, а пределы высказывания, не истину, а невозможность истины, что позволяет рассматривать стиль Чёрана как одно из наиболее радикальных выражений философской рефлексии XX века.

В писательстве Эмиля Чёрана в его первый французский период³ возникает особая авторская позиция — на границе между субъективностью и интимностью. Его мысль, изначально представленная как отстраненная сила, постепенно наполняется личными переживаниями: болезнью, снами, домашней жизнью. Такая форма выражения — позднее явление в творчестве Чёрана, начавшееся с его французских текстов. В то же время есть мыслители (например, Перро — фр. Georges Perros), которые с самого начала строят свою философию на основе интимного опыта. Сравнение с ними позволяет понять, почему Чёран так и не стал по-настоящему «частным мыслителем», который ощущает несовместимость себя с миром, выстраивает свою этику на отказе — от академических, моральных и литературных канонов.

Образ частного мыслителя, вдохновленный фигурой Иова, выражает не только интимность, но и болез-

---

³ Период перехода на французский язык, когда для Чёрана было особенно важно овладеть иностранным языком в совершенстве (1949–1960), после чего он начал декомпозицию стиля (в 1970-е), поняв, что овладел французским так же хорошо, как родным румынским, что позволяло ему писать на иностранном языке легко — как думает, не заботясь о форме выражения. Так, можно говорить о двух французских периодах Чёрана: о периоде генезиса стиля (до 1960-х) и периоде его декомпозиции.

ненное ощущение разрыва между внутренним и внешним. Эта трещина оставляет человека в одиночестве и одновременно лишает его доступа к абсолюту. Он осознает абсурдность мира и должен найти смысл в отказе от поиска смысла. Подобно Иову, он ищет ответа в речи, но не надеется на объяснение — только на подтверждение реальности страдания. Бог не объясняет боль, но подтверждает ее факт — тем самым признавая право человека на страдание независимо от вины. Но в отличие от Иова, писатель XX века не может просто замолчать: перед лицом невозможной веры он должен найти способ сохранить голос. Для этого он обращается к фрагменту. Фрагмент — это форма, возникающая на пересечении эссе и поэзии, она отвергает целостность, допускает повторы, противоречия, разрывы. У Чёрана это не просто форма, а способ существования: трагизм его мысли находит отражение в разорванной форме. Мысль появляется не как процесс, а как остаток, осадок, как он сам говорил — «как то, что остается после брожения». Фрагмент — одновременно отброс и квинтэссенция, крик и эхо. Он воплощает веру в силу мысли и ее обреченность.

Фрагментарность — не просто эстетический выбор, а экзистенциальная необходимость. У Чёрана это связано и с языковым переломом: переход от румынского к французскому был актом разрыва с самим собой — с прошлым, с «рубашкой Несса румынства»⁴, с ошибками (в том числе политическими, связанными с поддержкой Железной гвардии). Французский он называл «смирительной рубашкой»⁵, а письмо во фрагментах становится для него формой внутреннего очищения и отречения. Та-

---

⁴ Понятие «Румыния — это рубашка Несса» заимствовано нами у Михэйлеску (Mihăilescu D.C. Prefață // Cioran E. Revelațiile durerii. Cluj: Editura Echinoc, 1990. P. 19).

⁵ «По темпераменту французский язык мне не подходит: мне нужен дикий язык, язык пьяницы. Французский был для меня как смирительная рубашка» (Cioran. Entretiens. Paris: Gallimard, 1995. P. 28).

ким образом, фрагмент у него — это аскетическая, а не просто литературная практика.

Как отмечают ряд исследователей, фрагмент — не жанр и не метод, а установка всего существа, вид духовной дисциплины. Так, например, Пьер Гарриг (фр. *Pierre Garrigues*) пишет, что фрагмент — это «инициатическое путешествие к невозможной неформальной форме»⁶, способ выразить крик, тишину, иронию, сомнение. Фрагмент создает прерывистый, островной пейзаж — архипелаг, где можно видеть и целое, и части. Он также обладает ритмом и музыкальностью, как навязчивая мелодия или повторяющаяся мысль.

У Чёрана заметна эволюция — от более развернутых фрагментов к гиперфрагментарности, к все более коротким записям, к усиленной пунктуации. Несмотря на заявления вроде: «Все, что я требую от писателя — чтобы он писал грамотно. Хорошо или плохо написано произведение, для меня не имеет значения. Стиль, который так долго был моей навязчивой идеей, больше не интересует меня: я верил в него с того момента, как “поклонился” Валери. Теперь мне нужна суть, “содержание”, и мне все труднее и труднее придерживаться старого разделения на форму и содержание. Давайте отбросим эти ложные проблемы. Мы должны стараться, чтобы нас понимали, и это все. Оставаться понятным, если это возможно, — одновременно трудная и скромная цель. Давайте придерживаться ее. Остальное не имеет значения»⁷, он до конца жизни скрупулезно редактировал тексты, менял слова и знаки препинания. Стремление к молчанию сопровождается пониманием, что полная тишина — слишком окончательна и не отражает колебаний, сомнений и неуверенности, составляющих суть его мышления. Между желанием молчать и невозможно-

---

⁶ Garrigues P. *Poétique du fragment*. Paris: Klincksieck, 1995. P. 496.

⁷ Чёран Э. Черный дневник (1957–1972). Том II (1965–1967). Указ. источник. С. 137.

стью замолчать рождается письмо как стон, как крик, но и как насмешка над собой.

Именно через иронию и цинизм Чёран обретает дистанцию к собственной боли — а значит, возможность выжить. Он преодолевает трагизм бытия, обращая его в универсальный стиль — сдержанный, отстраненный, но насыщенный смыслом. Смех становится его способом жить в мире, лишённом смысла: «Смех — единственное оправдание жизни, великое оправдание! Даже в самые отчаянные моменты у меня хватало сил смеяться. [...] Смех — проявление нигилизма»⁸. Несмотря на отчаяние, страх, меланхолию и гнев, Чёран добивается того, чтобы его мысль была не только трагической, но и игровой, легкой, ироничной — универсальной в том смысле, что она резонирует со всем человеческим.

Третий том исследования посвящен второму французскому периоду Эмиля Чёрана (примерно с 1960–1970-х годов), когда он посчитал, что освоил французский в совершенстве и может позволить себе эксперименты с языком и живую письменную речь, как в родном румынском. Это сопровождалось его сознательным разложением (декомпозицией) своего стиля, чему сопутствовала еще большая фрагментация дискурса: «Я не буду писать ничего, кроме фрагментов; моя мысль, уже разбитая, я раздроблю ее. Это будет мой путь вперед»⁹. Влияние разъедающей самоиронией автора усиливало данный процесс.

---

⁸ Cioran. *Entretiens*. Paris: Gallimard, 1995. P. 141.

⁹ Чёран Э. *Черный дневник (1957–1972)*. Том II (1965–1967). Указ. издание. С. 366.

ГЛАВА I

УЛЫБКА И СМЕХ ЧЁРАНА

1.1 Автор-самоубийца и триада его декомпозированного письма: афоризм, парадокс, абсурд

«Доктрины уходят — анекдоты остаются»¹⁰.

Творчество Чёрана — «философа-самоубийцы», систематически разрушающего основания собственной мысли — представляет собой уникальный синтез афористической поэтики, парадоксальной логики и абсурдистского мировоззрения, где форма становится содержанием, а стиль — философским методом. Продемонстрируем, как три ключевых элемента чёрановской письменной стратегии, их взаимодействие, создает радикальную форму интеллектуального сопротивления.

Чёрановский афоризм — поэтика фрагмента — это не просто лаконичное высказывание, а «интеллектуальная граната» (П. Боллон). В отличие от классических моралистов, чьи максимы утверждали вечные истины, Чёран использует афоризм как оружие деконструкции («Чем короче истина, тем дольше ее агония»). Его афоризмы сознательно избегают завершенности, превращаясь в «открытые раны мысли» (Ж. Бодрийяр). Особенность чёрановского стиля проявляется в: намеренной антисистемности (отказ от построения философской системы); автономности каждого

---

¹⁰ Чоран Э. М. Записные книжки 1957–1972. // После конца истории: Философская эссеистика. СПб: Симпозиум, 2002. С. 497.

высказывания (как острова в архипелаге смыслов); эффекте «обратного взрыва» (истина уничтожает сама себя).

Парадокс у Чёрана следует логике самоуничтожения, выполняя функцию «интеллектуального вируса» (И. Астье), разрушающего рациональное мышление изнутри («Я верю только в те истины, которые выдержали проверку моим неверием»). Анализ показывает, что чёрановские парадоксы строятся по трем моделям: антиномическая (сознательное противоречие); регрессивная (самоотрицающее высказывание); перформативная (форма противоречит содержанию). Особенно показателен его прием «самопожирающего парадокса», когда тезис разрушает собственную основу («Это утверждение ложно, как и все остальные»).

Чёрановская концепция абсурда строится на онтологии смешного, она отличается от экзистенциалистской традиции (Камю, Сартр) своей радикальной антитеологичностью («Вселенная — это анекдот, который Бог забыл довести до конца»). Функции абсурда в его философии: терапевтическая (смех как способ пережить бессмысленность); гносеологическая (разрушение категорий понимания); экзистенциальная (освобождение через принятие хаоса).

Таким образом, получается триада декомпозиции — синтез афоризма, парадокса и абсурда создает в творчестве Чёрана уникальный феномен — «письмо-самоубийцу» (*L'écriture suicidaire*), где афоризм дает иллюзию смысла, парадокс эту иллюзию разрушает, а абсурд оставляет читателя лицом к лицу с пустотой. Эта стратегия представляет собой не просто стилистический прием, а полноценную метафизическую позицию — «бунт через форму», где само устройство языка становится способом экзистенциального сопротивления.

1.2 Фигура «ироника» и архетип трикстера как литературный аватар

Слово «трикстер» (от англ. *trickster* — «обманщик», «ловкач», «проказник») обозначает архетипический образ в мифологиях, религиях и литературе разных культур. Это двойственная, противоречивая фигура, нарушающая правила и нормы, обманывающая богов, людей или саму систему, часто ради игры, веселья или истины. В мифологии — персонаж, совмещающий в себе черты героя, шута, бога и злодея. Он может творить и разрушать, учить и сбивать с пути. Например: Локи (скандинавская мифология); Койот и Ворон (культуры американских индейцев); Прометей (в некоторых интерпретациях); Гермес (греческий бог торговли и воровства). В психологии (К.Г. Юнг) — архетип Трикстера воплощает бессознательное стремление разрушить условности, открыть доступ к стихийному, хаотическому, но созидательному началу. В литературе и философии — фигура иронии, маски, театра. У философов XX века (Бахтин, Деррида, Делёз) трикстер — это граница между порядком и хаосом, символ иронической деконструкции. Характерные черты трикстера: двуличие и амбивалентность; обман, насмешка, игра; нарушение табу, моральных и социальных норм; ловкость, хитрость; трансгрессия (переход границ). Часто связан с телесным, смехом, эротикой. Фигура трикстера у Чёрана — это ироничный разрушитель иллюзий, который смеется над всеми формами смысла, истины и морали. В современной культуре — трикстер может быть героем-антигероем, клоуном, шутком, философом-подрывником (Джокер, Джеффри Лебовски, V из фильма «V for Vendetta», Кафка, Ницше и другие).

Фигура «ироник»¹¹ у Чёрана рядом черт схожа с архетипом трикстера (например, как она представлена у К.Г. Юнга) — это не просто носитель иронии, а экзистенциальный тип, философский персонаж, воплощающий разрыв с иллюзиями, отказ от консенсуса и эстетику провокации. Ироник Чёрана — фигура трагикомическая, балансирующая между нигилизмом и язвительным остроумием. Приведем несколько черт трикстера, присущих чёрановской фигуре ироника и самому Чёрану.

«Нарушитель спокойствия» («*trouble-fête*»). Сознательно разрушает социальные, метафизические и литературные условности. Например, Чёран вспоминает в своих дневниках: «В юности, куда бы я ни пошел, я любил устраивать беспорядки. Обеды, встречи, литературные вечера, будь то в интеллектуальной или буржуазной среде, я везде вносил сумятицу и переполох сарказмом или провокацией»¹². Здесь его можно сравнить с Сократом, которого «убили за иронию» (как разоблачителя ложных истин). «*Антипророк*». Не учит, а разочаровывает, подменяя «мудрость» саркастичным скепсисом: «Ироник — это тот, кто подносит вам вогнутое зеркало, где вы видите себя уродливо гримасничающим»¹³. У Чёрана: «Я — против всего, что делается после Адама»¹⁴. *Самоирония как форма аскезы*. Ироник у Чёрана презирает даже самого себя: «У меня все инстинкты смутьяна и все убеждения покладистого духа. Во мне сочетаются вкус к провокации и вкус к отстраненности. Скандал и приличие»¹⁵. Это

---

¹¹ Французское слово «*ironiste*» можно переводить как «иронист» — по модели «юморист», тогда оно будет ближе к этому понятию; мы переводим его по модели «щитник» — «ироник», так как в контексте Чёрана оно ближе именно к этому смыслу.

¹² Чёран Э. Черный дневник (1957–1972). Том II (1965–1967). М.: Тотенбург, 2025. С. 215.

¹³ Jankélévitch V. *L'Ironie*. Paris: Flammarion, 1964. P. 182.

¹⁴ Сиоран Э.М. О злополучии появления на свет (фрагменты из произведения) // Горькие силлогизмы. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. С. 291.

¹⁵ Чёран Э. Черный дневник (1957–1972). Том III (1968–1969). Пер. с фр. Р.С. Гранин. М.: Тотенбург, 2025. С. 46.

«саморазрушение через смех» — чтобы не стать жертвой собственных иллюзий. Маргинал с билетом в салон. Чёрановский ироник парадоксально социален: он посещает светские собрания, чтобы издеваться над ними, публикуется в престижных издательствах, но называет свои книги «провальными»¹⁶. В молодости Чёран использовал иронию как оружие против фашизма и коммунизма: «Моя формула в политике такова: искренне бороться за то, во что я не верю»¹⁷. Позже в интервью с Фернандо Саватером (1981) Чёран скажет: «Если бы я верил в историю, я бы сошел с ума. Но я верю только в иронию — она разоблачает этот кровавый цирк». Чёрановский ироник — не просто «насмешник», а фигура экзистенциального сопротивления: философски он отрицает абсолюты (Бога, прогресс, разум), но не заменяет их новыми догмами; эстетически его письмо — «саботаж» против «красивой литературы»; этически — ирония становится последней честностью в мире лжи.

1.3 Литературный смех

«Прочел в одной из биографий Александра Блока простые и глубокие слова о его угасании: "Сначала он перестал смеяться, потом исчезла улыбка"»¹⁸.

Когда мы думаем о смехе, обычно сразу ставим его в противопоставление слезам — радость против отчаяния, комедия против трагедии. Это противоречие известно давно: например, Монтень замечал, что Демокрит смеется

---

¹⁶ Чоран Э. М. Разлад // После конца истории: Философская эссеистика. СПб: Симпозиум, 2002. С. 233.

¹⁷ Письмо к Элиаде [Scrisori 550] (Cioran. Scrisori către cei de-acasă. — București: Humanitas, 2004).

¹⁸ Чёран Э. Черный дневник (1957–1972). Том II (1965–1967). М.: Тотенбург, 2025. С. 340.

над человеческой судьбой, а Гераклит плачет по тем же причинам. Частный мыслитель, погруженный в эмоции, которые разрушают его связь с миром (скука, меланхолия, отчаяние, гнев), в конце концов находит смех именно на грани отчаяния. Смех — будь то самоирония или смех над абсурдом мира — помогает отстраниться от боли, создает дистанцию и облегчение.

Однако частный мыслитель не останавливается в смехе, потому что его связь с миром всегда неустойчива, он постоянно колеблется между меланхолией и отчаянием. Иногда ему нужно восстановить внутреннее равновесие через смех. Кроме того, смех помогает пересмотреть отношение к серьезности: слишком серьезно воспринимать собственную боль — рискованно, ироничный смех приносит необходимое отстранение.

Образ частного мыслителя, как у Кьеркегора, изначально не предполагает смеха — он в основном отчаян и нестабилен, да и письменная форма, которую он использует, не слишком способствует смеху. Но сам Кьеркегор мастерски использовал иронию, делая ее одной из форм выражения частного мышления. Аналогично и библейский Иов саркастически отвечает своим друзьям, когда они пытаются его утешить.

Понимание того, как трагическое поворачивается в смех, раскрывает суть частного мыслителя. Смех освобождает его от системных и объективных требований, позволяет не сдерживать свои внутренние колебания и создавать уникальное самовыражение.

Хотя частный мыслитель обычно одинок, он не полностью отрезан от мира — поддерживает небольшой круг общения (переписка, разговоры с прохожими, встречи с друзьями). Он отвергает лишь официальные собрания, академические формальности и институциональное знание. Такая свобода позволяет ему исследовать субъек-

тивны́е корни своей мысли. Это разрыв с миром, непонимание, неспособность соответствовать ожиданиям — но и пространство для игры и юмора.

Чтобы понять смех частного мыслителя, нужно постоянно переходить между философией и литературой. Частный мыслитель хочет строить свою мысль, свободную от моральных и рациональных догм, в форме, которая отражает эту свободу и новые кодексы. Для этого нужно опираться на философский анализ (Кьеркегор, Янкелевич¹⁹) и литературные исследования (Шёнтьес²⁰, Хамон²¹, Мура²²).

Так, Лаурали Шателе пишет в своей диссертации, что у Кьеркегора ирония — это больше отношение мыслителя к миру, а не просто риторический прием. Современные исследователи отходят от классического понимания иронии как просто «обратной речи»: «В нашем анализе мы опираемся на Кьеркегора, исследующего иронический этос, и на Янкелевича, который подробно разбирает

---

¹⁹ V. Jankélévitch, *L'Ironie*. Op. cit. P. 76.

²⁰ Schoentjes P. *Poétique de l'ironie*. Paris: Seuil («Points/Essais-Inédits»), 2001. P. 99.

²¹ Hamon P. *L'Ironie littéraire. Essai sur les formes de l'écriture oblique*. Paris: Hachette, 1996. P. 109.

²² Жан-Марк Мура (1956, Jean-Marc Moura) — французский литературовед, профессор сравнительной литературы, один из ведущих специалистов в области постколониальной критики и франкоязычных литератур, а также теоретик компаративистики и литературы мира (*littérature-monde*). Профессором в Université Paris Nanterre. Автор множества работ по постколониальной теории, литературе Франции и франкоязычного мира, а также по вопросам канона, периферии и глобального литературного пространства. Выступал за переосмысление франкофонной литературы не как «вторичной» по отношению к метрополии, а как полноправной части глобального литературного поля. Одним из первых предложил интерпретировать литературы бывших французских колоний (в Африке, Карибском бассейне и др.) через призму постколониальной критики, включая влияние Эдварда Саида, Хоми Бхабхи и Гаятри Спивак. Стремится к децентрализации «всемирной литературы», к разрушению колониальных иерархий. Ключевые публикации: «*Littératures francophones et théorie postcoloniale*» («Франкоязычная литература и постколониальная теория», 2000); «*La littérature comparée*» («Сравнительное литературоведение», 2009); «*Le Monde est un roman. L'avenir des littératures francophones*» («Мир — это роман. Будущее франкоязычной литературы», 2022) — размышления о будущем франкофонии в контексте глобализации.

движения иронической мысли»²³. Литературные исследователи классифицируют иронию на вербальную и иронию судьбы и изучают стилистические приемы ироничного письма, что полезно для понимания иронии у Чёрана.

Жан-Марк Мура (фр. Jean-Marc Moura) анализирует литературный юмор и противопоставляет его иронии: он видит юмор как социальную практику, а иронию как анти-социальную. Это могло бы отдалить Чёрана от юмора, но, возможно, нужна иная дефиниция юмора в его случае²⁴.

Чтобы понять постоянное колебание Чёрана между пессимизмом и смехом, нужно взглянуть на понятия «колебания» и «шатания». Орельен Демарс²⁵ (фр. *Aurélien Demars*) читает чёрановскую мысль как «шатание» — неопределенный и рискованный баланс, где ясность и падение идут вместе, нет «безопасности худшего» и нет «комфорта падения»²⁶. Эта неустойчивость — двигатель и опасность одновременно, вечный поиск правды, которая никогда не фиксируется в одном образе. Чёран видит человеческое существование как наказание за изначальное шатание — неспособность принять четкое решение, вынужденность делать выбор в мире и одновременно подавлять в себе наблюдателя. Это шатание — ход по канату, без окончательной стабилизации. Для частного мыслителя смех — шанс заново принять мир и себя, создать субъективное, но универсальное высказывание. Но это временно, шатание не дает постоянства. Философский анализ Янкелевича помогает понять движение между серьезностью отчаяния и ироничным отстранением. Отстранение через смех помогает переосмыслить мир, сде-

---

²³ Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture [Чёран, частный мыслитель, вынужденный писать, фр]. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020. P. 346.

²⁴ Ibid. P. 343.

²⁵ См. его докторскую диссертацию: Demars A. Le pessimisme jubilatoire de Cioran: enquête sur un paradigme métaphysique négatif [Ликующий пессимизм Чёрана: исследование негативной метафизической парадигмы, фр]. Lyon 3, 2007. 582 p.

²⁶ Demars A. Le pessimisme jubilatoire de Cioran: enquête sur un paradigme métaphysique négatif. Op. cit. P. 469.

лать его более терпимым, пусть и измененным смехом. Это не простое отрицание, а отрицание отрицания — своего рода трансформированное утверждение²⁷. Пример — у Чёрана «Истинный час — не смерть, а рождение»²⁸, где отрицание существования меняет смысл утверждения, оставляя в нем пустоту.

Смех и улыбка — знаки здорового отстранения, которые возвращают человека к его ограничениям и появляются в моменты предела ощущения. Например, в описании приближения к Абсолюту и резком отказе идти дальше — проявляется самоирония и признание своей неспособности к высокому. Юмор возвращает человека на его место, напоминая о неспособности постичь невыразимое. Эта практика смеха не уникальна для Чёрана — ее разделяют и другие писатели XX века, исследовавшие пределы языка, как Ролан Барт, Морис Бланшо²⁹, Анри Мишо³⁰. Есть сходство и с Беккетом, который тоже через смех приближается к молчанию и абсолюту. Смех для частного мыслителя — путь множества поворотов, трансформаций, которые помогают дистанцироваться от негативных эмоций, вызвавших его. Несмотря на меланхолию и одиночество, он иногда может улыбаться, сохраняя тем самым определенную доброжелательность и элегантное отстранение, как, например, Жубер, пропове-

---

²⁷ Jankélévitch V. L'Ironie. Op. cit. P. 76.

²⁸ Чёран Э. Черный дневник (1957–1972). Том II (1965–1967). М.: Тотенбург, 2025. С. 288.

²⁹ Морис Бланшо (фр. *Maurice Blanchot*, 1907–2003) — французский писатель, литературный критик и философ, один из самых влиятельных и загадочных мыслителей XX века. Его тексты — на стыке литературы, философии и ничто, и они оказали глубокое воздействие на таких авторов, как Жак Деррида, Мишель Фуко, Жиль Делёз, Эммануэль Левинас, а также на литературных модернистов (Беккет, Кафка, Малларме).

³⁰ Анри Мишо (фр. *Henri Michaux*; 1899–1984) — французский (бельгийско-го происхождения) поэт, прозаик, художник, один из самых уникальных и трудно классифицируемых авторов XX века. Его творчество — это путешествие на границе языка, восприятия и сознания. В истории литературы он стоит особняком: одновременно сюрреалист и мистик, исследователь психического опыта и аскет, антиписатель и создатель альтернативных миров.

довавший умеренный и спокойный стиль. Однако для Чёрана классическая благодать и аскетическое отстранение недостижимы из-за его природы и культурных различий. Но улыбка и ироничный смех присутствуют у него, он — мастер иронии и цинизма. Через юмор писатель находит способ отстраниться от внутренней боли и напряжения. Если у Чёрана смех балансирует между иронией, цинизмом и юмором, то у Перро он чаще склоняется к юмору, показывая склонность частного мыслителя к смеху и улыбке, выходящей за рамки сарказма.

Играя с отрицанием и одновременно насмехаясь над ним, частный мыслитель подрывает основы мысли и языка. Как говорит Пьер Шёнтёс³¹, вербальная ирония — не инструмент закладки фундамента, а орудие подрыва основ³².

Чтобы понять, как Чёран выстраивает свою юмористическую интонацию, необходимо обратиться к тому, что Филипп Амон³³ (фр. *Philippe Hamon*) называет «иронической сценой»: это совокупность литературных приемов, с помощью которых создается дистанция, надевается маска или выстраивается театрализованная игра³⁴. Хотя Чёран использует ненарративную форму, сценическая организация высказывания у него все же присутствует —

---

³¹ Пьер Шёнтёс (*Pierre Schoentjes*) — специалист по французской литературе XX–XXI веков, профессор литературы Гентского университета (*Université de Gent*), факультет литературоведения. Основные области исследований: поэтика и теория иронии. Центральный объект исследований — литературная ирония как эстетический и этический феномен.

³² Schoentjes P. Poétique de l'ironie. Op. cit. P. 99.

³³ Филипп Амон (*Philippe Hamon*), французский литературовед и специалист по поэтике, в своей работе «L'Ironie littéraire. Essai sur les formes de l'écriture oblique» (1996) вводит понятие «иронической сцены» — ситуации в литературном тексте, при которой автор сознательно создает дистанцию между собой и высказыванием. Эта «сцена» подразумевает театрализованную маску, множественность голосов и игру смыслов, вовлекая читателя в процесс двойного прочтения. По Амону, ирония не сводится к фигуре речи, а выступает как структурная модель письма, выявляющая саморефлективную природу литературного акта. В контексте Чорана это позволяет понять, как его ирония колеблется между сарказмом и отстраненной улыбкой, сохраняя при этом дистанцию с трагическим.

³⁴ Hamon P. L'Ironie littéraire. Essai sur les formes de l'écriture oblique. Paris: Hachette, 1996. P. 109.

через практику иронии, которая становится основой различных регистров смеха: от взрывного сарказма, когда верх берет цинизм, до легкой улыбки, если преобладает юмор. Смех и улыбка в его письме позволяют разорвать связи — с самим собой, с миром, с системой — и тем самым создают дистанцию по отношению к трагическому, возвращая жизни некую «нормальность» за счет двойного отрицания, которое переопределяет то, что изначально было дано³⁵.

1.4 «Смех» Чёрана как особый этический стиль между иронией и цинизмом

«Улыбка — это свидетель, а не участник»³⁶.

В текстах Чёрана редко можно встретить откровенный, открытый смех, чаще упоминается именно улыбка. Улыбка для него — это нечто сложное, включающее отстраненность, меланхолическую грусть, а иногда даже своего рода насилие, например, когда он говорит об «уничтожающей улыбке»³⁷ или «рудиментарной улыбке»³⁸. Такая парадоксальная трактовка отражает сложный, подвижный и хрупкий характер отношения Чёрана к юмору и тому отстранению, которое он подразумевает. Юмор у него — это всегда возможность, которую он никогда полностью не отвергает. Он возвращается в разных формах — через иронию, цинизм. Юмор у Чёрана зачастую острый и едкий, он действует как своего рода взрыватель, позволяющий разрядить невыносимое напряжение, которое ни крик, ни молчание снять не могут. Юмор

---

³⁵ Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Op. cit. P. 346.

³⁶ Cioran E. Sur l'humour [Ms 400] // Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020. P. 448.

³⁷ Чёран Э. Черный дневник (1957–1972). Изд. в четырех томах. Том I (1957–1964). С. 304.

³⁸ Там же. С. 58.

в широком смысле — это весь комплекс форм и оттенков смеха и улыбки, он тесно связан с краткой формой, с которой объединяет важность двойственности и незавершенности. Например, он пишет в своих дневниках: «Я должен создать себе улыбку, вооружиться ею, встать под ее защиту, иметь что-то, что может встать между мной и миром, замаскировать свои раны, наконец, научиться носить маску»³⁹. Ирония Чёрана привлекала много внимания, в том числе в контексте связи смеха и меланхолии в его творчестве. Особенно ценной является работа Симоны Модряну⁴⁰, которая показывает, что ирония помогает подойти к сложной теме Бога. Она сближает Чёрана с теориями Батая и Бодлера о смехе, где подчеркивается гордыня как важная составляющая комического — смех разделяет и возвышает того, кто смеется, над теми, над кем смеются.

Чёран — человек эпохи разрыва. Его стиль письма, по словам Модряну, полон «скрежета зубов»⁴¹ как стилистической фигуры и насмешки, которая свидетельствует о речи, движущейся к распаду. Можно представить, что усмешка плавно переходит во фрагментацию речи, основанную на историческом восприятии. Ирония — важный голос второй половины XX века, она помогает понять существование, постоянно колеблющееся между отказом и смехом, что, без сомнения, притягательно для Чёрана. Его интерес к этой манере речи был настолько велик, что он писал об иронии и смехе почти столько же, сколько сам их использовал.

---

³⁹ Там же. С. 62.

⁴⁰ См., например: Modreanu, Simona. Cioran ou l'ironie comme strategie du refus... De Dieu [Чёран или ирония как стратегия отказа... от Бога, фр]. — Lille, PU du Septentrion, 1997. — 599 p.

⁴¹ Modreanu S. Le Dieu paradoxal de Cioran. — Monaco: Éditions du Rocher, 2003. P. 258.